

КУЛЬТУРНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА

© А. Е. Сериков

Сериков Андрей Евгеньевич
кандидат философских наук,
доцент
декан философско-
филологического факультета
Самарская
гуманитарная академия
aeserikov@mail.ru

Радикальный культурный релятивизм Боаса и его последователей был опровергнут в конце XX века. В частности выяснилось, что описанные М. Мид свободные сексуальные нравы на Самоа и описанные Б. Л. Уорфом особенности языков хопи и эскимосов — просто мифы. Тем не менее, в последнее время обнаружены новые эффекты Уорфа в пространственном мышлении. С. Левинсон и его соавторы доказывают, что язык влияет на то, как люди думают, помнят и делают выводы о пространственных отношениях и направлениях.

Ключевые слова: культурная антропология Боаса, сексуальные отношения на Самоа, Маргарет Мид и Дерек Фриман, гипотеза Сэпира-Уорфа, эффекты Уорфа, Стивен Левинсон, пространство, язык пространства, фреймы референции (системы отсчета).

Проблема понимания того, как мы мыслим и воспринимаем пространство, как говорим о нем, как пространственное восприятие и мышление взаимосвязаны с языком пространства и с мышлением в целом, является достаточно важной и актуальной как для философии, так и для целого ряда гуманитарных наук. Актуальна она хотя бы потому, что в начале XXI века мы только-только начали подходить к ее серьезному междисциплинарному обсуждению и сколько-нибудь полного ее решения просто не существует. Существуют пока лишь нейрофизиологические, психолингвистические, социобиологические, культурно-антропологические, социологические и прочие гипотезы, которые в чем-то дополняют друг друга, а в чем-то активно конкурируют между собой. Дискуссии о пространственном

Культурный релятивизм, лингвистическая относительность и пространственная семантика

языке и мышлении напоминают мешочек с разноцветными запутанными клубками ниток, которые настолько переплелись между собой, что идея навести в них полный порядок кажется невыполнимой. Правда, можно ухватиться за кончики одной или двух ниток и попробовать распутать только их, хотя бы частично, пока они не оборвутся. Так и я вижу свою задачу в том, чтобы попробовать хотя бы частично разобраться в некоторых аспектах бесконечной проблемы пространственной семантики. Ниточки, за которые я ухватился, — это *вопросы о влиянии языка и культуры на мышление вообще и пространственное мышление в частности.*

В культурной антропологии первой половины XX века необычайной популярностью пользовались идеи Франца Боаса, который был учителем таких классиков, как Эдвард Сэпир, Альфред Кребер, Маргарет Мид, Рут Бенедикт, и оказал влияние на исследования многих других ученых. Суть этих идей в следующем: каждая культура имеет свой собственный путь развития, не существует универсальных законов прогресса, поэтому нельзя применять универсальные схемы при изучении культур различных племен и народов. То, что у разных народов мы часто обнаруживаем схожие идеи и обычаи, еще не доказывает их абсолютной универсальности и родства культур. Родство отдельных культур может иметь место, но его следует специально доказывать, а не исходить из него. Мышление и поведение индивидов, с точки зрения Боаса, целиком должны объясняться социокультурными причинами, *т. е. культура и язык должны влиять на мышление, следовательно, представители разных культур должны мыслить по-разному.* «Мы не можем утверждать, что сходные явления всегда вызываются сходными причинами, и заключать отсюда, что человеческий разум везде подчинен общим законам»¹.

Идеи Боаса и его учеников сначала господствовали в науке, затем вышли из моды и в конце XX века были подвергнуты критике, даже иногда высмеивались, а сегодня они вновь всерьез обсуждаются, но уже на некотором новом уровне. Приведу два примера — спор об универсальности моральных ценностей в сексуальных отношениях и обсуждение гипотезы лингвистической относительности Сэпира-Уорфа². После этого, опираясь на работы С. Левинсона, расскажу о влиянии языка на пространственное мышление.

Миф о сексуальной свободе на Самоа

В 1925 г. Боас организовал для своей юной (1901 г.р.) ученицы Маргарет Мид командировку на Восточное (Американское) Самоа, поручив ей исследовать вопрос о том, в какой мере поведение подростков детерминировано физиологически, а в какой мере — культурно. Прежде всего,

¹ Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 512.

² Фамилию *Sapir* разные авторы пишут по-русски как *Сапир*, *Сэпир* и *Сепир*, а фамилию *Whorf* — как *Уорф* и *Ворф*; отсюда вытекают различные встречающиеся варианты наименования соответствующей гипотезы.

она должна была сосредоточиться на вопросе о сексуальном созревании девушек. Сама Мид хотела поехать на Туамоту, но Боас решил, что Американское Самоа более безопасно. Мид провела на Самоа чуть менее полугодом, жила на территории американской военно-морской базы, время от времени выезжая в деревни, и по итогам этой экспедиции написала книгу «Взросление на Самоа», вышедшую в 1928 г. с предисловием Боаса и прославившую Мид. Помимо прочего, Мид писала, что на Самоа были широко распространены добрачные сексуальные отношения и девственность не являлась кокой-либо серьезной ценностью. Девственность ценилась только на словах, но не на деле, проверка девственности и ритуальное лишение девственности во время свадьбы имели отношение только к *таупоу*³. В контексте дискуссий о *nature and nurture*⁴ это обозначало *подтверждение гипотезы Боаса об относительности культур и опровержение традиционного тезиса об универсальности основных моральных ценностей*. Позволю себе процитировать наиболее провокационные места из сочинения Мид:

«Конечно, бывают и случаи, когда парочка, только что вышедшая из подросткового возраста, боясь насмешек со стороны близких друзей и родственников, сама незаметно скрывается в кустах. Чаще, однако, первым любовником девушки оказывается более взрослый мужчина, вдовец или разведенный. <...>

Кроме официального брака существуют еще только два типа половых отношений, пользующиеся полным одобрением самоанского общества: любовная связь между не состоящими в браке молодыми людьми (включая овдовевших) одного возраста, причем на оценку этой связи не влияет, ведет ли она к браку или же является простым развлечением; полным одобрением пользуется и адюльтер.

У молодежи до брака существуют три формы любовных отношений: тайные свидания “под пальмами”, открытое бегство с возлюбленной — *аванга* — и церемониальное ухаживание, когда “юноша сидит перед девушкой”. Вне всего этого стоит любопытная форма насилия исподтишка, называемая *моетоло*: юноша, не пользующийся благосклонностью ни одной девушки, подкрадывается ночью к спящим. <...>

Часто девушка боится выйти ночью из дома, ибо ночь полна призраков и дьяволов. <...> Тогда влюбленный отважно прокрадывается в дом. Сняв свою *лавалаву*, он натирает все тело кокосовым маслом, чтобы ему легче было ускользнуть из рук преследователей и не оставить никакого следа. <...> Необходимость соблюдать абсолютную тишину исключает какой бы то ни было разговор между юношей и девушкой, и подкрадывающийся надеется либо на то, что девушка ждет любовника, либо на то, что она примет каждого, кто

³ Таупоу — на Самоа это церемониальная принцесса, выбираемая и назначаемая вождем, одна из многих девочек его семейства, чаще всего одна из его дочерей.

⁴ Буквально: *природа и питание*. Это метафора Шекспира из пьесы «Буря», акт IV, которую в гуманитарных науках используют с конца XIX века для обозначения вопроса о том, какую роль в человеческом поведении, языке, мышлении играют его природа, биологическое устройство, врожденные способности и предположенности, языковые и моральные универсалии, с одной стороны, и культура, общество, обучение, привычки, лексика и грамматика конкретных языков, с другой.

придет к ней. <...>

Эти свободные и легкие любовные эксперименты не позволены *таупоу*. Обычай требует, чтобы она была девственницей. Перед всеми собравшимися на ее свадьбе в ярко освещенном доме оратор жениха должен принять доказательство ее девственности. Этот обычай сейчас запрещен законом, но отмирает он медленно. В прежние времена, окажись она не девственницей, ей бы пришлось плохо: собственные родственники напали бы на нее, побили камнями, изуродовали, а может быть, и смертельно ранили ее за то, что она опозорила их дом. <...>

Отношение к девственности на Самоа довольно забавно. Христианство принесло с собой, конечно, моральное поощрение целомудрия. Самоанцы же относятся к нему уважительно, хотя и с полнейшим скептицизмом, а уж понятие безбрачия для них абсолютно бессмысленно. Девственность, безусловно, что-то прибавляет к привлекательности девушки. Завоевание девственниц считается куда большим подвигом, чем победа над более опытным сердцем, и искушенный донжуан самое большое внимание уделяет их соращению. Один молодой человек двадцати четырех лет, женившийся на девственнице, стал предметом насмешек всей деревни, так как он имел неосторожность рассказать, что в свои двадцать четыре года и при множестве любовных связей в прошлом ему не удавалось до сих пор добиться милостей девственницы.

Престиж жениха и его родственников, невесты и ее родственников возрастает в случае ее девственности, так что девушка высокого ранга, спешащая расстаться со своей девственностью до свадьбы и тем самым избежать мучительного публичного обряда, натолкнулась бы не только на бдительный надзор своих старших родственников, но и на честолюбие жениха»⁵.

Книга Мид стала одним из самых влиятельных антропологических трудов XX века, ее содержание вошло во все учебники, а сама Мид считала, что это одна из лучших работ всей ее жизни. И вот в 1983 г. австралийский антрополог Дерек Фриман (1916-2001) публикует работу «Маргарет Мид и Самоа: создание и развенчание антропологического мифа» (Margaret Mead and Samoa: The Making and Unmaking of an Anthropological Myth), в которой доказывает, что реальные традиции на Самоа не таковы, как их описывала Мид. В частности, добрачная сексуальная жизнь девушек табуирована. Контроль за поведением незамужней девушки, проверка девственности и ритуальное лишение девственности во время свадьбы, позор для тех, кто не сохранил девственность, — все это имеет отношение ко всем самоанским девушкам, а не только *таупоу*.

В 1940-43 гг. Фриман работал учителем на Западном Самоа, в этот период он был усыновлен вождем деревни Саанапу Лауви Ваинуу, жил в его доме и даже был удостоен титула Логона-и-Тага, позволяющего присутствовать на всех собраниях вождей. Хотя в юности Фриман разделял установки Боаса и Мид, лежащие в основе его профессионального обучения, позже он стал относиться к ним критически. Когда Фриман задумал пере-

⁵ Мид М. Взросление на Самоа // Культура и мир детства. Избр. произведения / М. Мид. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. С. 123—130.

смотреть результаты Мид с позиций этологии и эволюционной биологии, он поселился в Саанапу еще на два года (с начала 1966 по конец 1967) и специально посещал острова Мануа — место основных исследований Мид. Опровержение Фриманом результатов Мид обозначало дополнительное подтверждение выдвигаемых в конце XX века тезисов социобиологии о том, что *существуют универсальные ценности, коренящиеся в природе человека и объясняемые спецификой его биологической эволюции.*

После публикации своей книги Фриман предпринял дополнительные исторические исследования, доказывающие, что Мид не проводила систематического исследования самоанских сексуальных обычаев, восприняла рассказы ее источников о ценности девственности и связанных с ней ритуалов как имеющих отношение только к *таупоу* и всерьез восприняла шуточные рассказы двух подруг, разыгравших ее весной 1926 г. Одна из участниц розыгрыша, Фаапуаа Фааму, клятвенно призналась в этом вождю Галеаи Поумеле в 1987 г, а затем в 1988 г. и 1993 г. была специально опрошена с целью установить соответствие между ее воспоминаниями о событиях 1926 г. и документальными фактами, добытыми на основании других источников. Основной вывод такой: говорить о сексуальных отношениях, особенно с посторонними, на Самоа не было принято, но шутки и розыгрыши на эту тему были широко распространены. Когда Мид стала расспрашивать подруг о тайных связях с мужчинами, они разыграли ее, а она приняла их шутки за чистую монету и положила в основу своего отчета⁶. Таким образом, можно считать доказанным, что одна из ключевых антропологических книг XX столетия, обосновывающих тезис культурной относительности, содержала непроверенные сведения. Поэтому многие теперь посмеиваются над Маргарет Мид, а заодно и над идеей культурной относительности.

Судьба гипотезы Сэпира-Уорфа

Другой пример — судьба гипотезы *лингвистической относительности*. Ученик Боаса Эдвард Сэпир высказал идею, что восприятие мира людьми в значительной мере зависит от норм их языка. Эту идею детально развил Уорф в ряде своих работ, написанных в 1930–40 гг. и изданных в 1956 г. в сборнике «Язык, мышление и реальность». Он доказывал, что специфика поведения носителей английского языка обусловлена его лексикой и грамматикой, что восприятие времени и материи у белых американцев и индейцев *хони* совершенно различно, что очень похожие по содержанию логике и форме выражения высказывания на языке *шауни* будут выглядеть как совершенно разные на английском, что различные цветовые категории языков приводят к различному восприятию цвета у их носителей и т. п. Он утверждал, что факты различаются для людей, чей языковой опыт способствует различному описанию этих фактов, поэтому *мышление зависит от языка.*

⁶ Freeman D. Margaret Meads Coming of Age in Samoa and Boasian Culturism // Freeman D. Dilthey's Dream. Essays on Human Nature and Culture. – Canberra: Pandanus Books, Research School of Pacific and Asian Studies, The Australian National University, 2001. P. 93—112.

«...Основа языковой системы любого языка (иными словами, грамматика) не есть просто инструмент для воспроизведения мысли. Напротив, грамматика сама формулирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза. Формирование мыслей — это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других — весьма существенно. <...> Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. <...> Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем»⁷.

В конце XX века, когда в западной лингвистике, психолингвистике и нейронауке доминировали радикальные варианты генеративизма и модулярного подхода, многие были убеждены, что грамматика естественных языков лишь оформляет то, что человек думает на «языке мысли». Процессы мышления, понимания и производства речи, пространственного восприятия понимались как относительно или даже полностью независимые друг от друга и обеспечиваемые работой соответствующих независимых модулей головного мозга. С некоторыми вариациями так считали и продолжают считать такие известные авторы, как Ноам Хомский⁸, Джерри Фодор⁹, Стивен Пинкер¹⁰, Рэй Джекендофф¹¹, а также их многочисленные ученики и последователи. При этом Хомский, например, постулировал врожденность универсальной грамматики, а Фодор — врожденность основных элементов «языка мысли». Поскольку гипотеза языковой относительности прямо ~~противоречит таким постулатам, ее было~~ принято жестко критиковать и

⁷ Whorf B. L. Science and linguistics (1940) // Whorf B.L. Language, thought and reality. N.Y.: The M.I.T. Press, 1956. P. 212—214 (русский перевод: Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. I : Пер. с англ. / общ. ред. В. А. Звегинцева и Н. С. Чемоданова. М. : Прогресс, 1999. С. 97—98.)

⁸ Chomsky N. The minimalist Programm. – Cambridge, Massachusetts: The M.I.T. Press, 1995. Chomsky N. New Horizons in the Study of Language and Mind. – Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2000. Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W. T. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // Science. Vol. 298. November 22, 2002.

⁹ Fodor J. A. The language of thought. N.Y.: Thomas Y. Crowell Company, Inc., 1975. Fodor J.A. The modularity of mind. Bradford Books, 1983. Fodor J. A. Psychosemantics. The problem of meaning in the philosophy of mind. Bradford Books, 1987. Fodor J.A. LOT 2 The Language of Thought Revisited. Oxford: Oxford University Press, 2008.

¹⁰ Пинкер С. Язык как инстинкт : пер. с англ. / общ. ред. В. Д. Мазо. М. : Едиториал УРСС, 2004. Pinker S. The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. N.Y. : Viking Adult, 2007.

¹¹ Jackendoff R. The architecture of the linguistic-spatial interface // Language and space / Ed. by P.Bloom, M.A.Peterson, L.Nadel, M.F.Garrett. Cambridge, Massachusetts: The M.I.T. Press, 1996. P. 1—30.

даже высмеивать.

Обычно указывают на три ключевых исследования, опровергающих Уорфа. Во-первых, Brent Berlin и Пол Кей опубликовали в 1969 г. результаты исследования цветового восприятия у носителей 20 различных языков¹². Они выяснили, что существуют 11 базовых цветовых категорий и универсальные закономерности их отражения в языках: если в языке различаются только два цвета, то это черный и белый; если три — черный, белый и красный; если четыре — к ним добавляется или зеленый, или желтый; если пять — добавляется и зеленый, и желтый; если шесть — к ним добавляется еще синий (голубой); если семь — добавляется коричневый; далее добавляются фиолетовый, розовый, оранжевый и серый. В начале 1970-х Элеонора Рош (тогда она публиковалась под фамилией Хайдер) провела сравнительные исследования восприятия цвета студентами Калифорнийского университета и представителями новогвинейского племени *дани*, в языке которых есть только два слова, обозначающих цвета. Выяснилось, что дани воспринимали и запоминали базовые цвета не хуже американских студентов¹³. То есть наличие в языке только двух цветовых категорий не блокировало цветового восприятия и мышления, связанного с биологическим устройством человеческого зрения. Оказалось, что слово, которое раньше переводилось с языка *дани* как *белый*, обозначает *белый и все теплые цвета* (красный, желтый, оранжевый, сиреневый, розовый), а второе слово обозначает *черный и холодные цвета* (синий и зеленый)¹⁴. Были проведены и другие исследования, в результате которых большинство современных ученых пришли к выводу, что цветовое восприятие и мышление не подтверждает гипотезу языковой относительности. Вот что пишет по этому поводу Борис Митрофанович Величковский:

«Некоторые языки, причем обычно экваториального пояса, не различают синий и зеленый. Причиной этого может быть желтая пигментация кожи и тканей глазного яблока, выполняющая функцию защитного оптического фильтра от чрезмерного ультрафиолетового излучения. Интересно, что в русском языке этой коротковолновой части спектра, напротив, соответствуют даже не два, как в других европейских языках, а три базовых названия, включающие термин “голубой”, который используется для обозначения светлого и ненасыщенного синего цвета. Проведенные уже в 1990-е годы сравнения таких языков, как русский (12 базовых цветов), английский (11) и сетсвана (5), выявили некоторое влияние лексикона на запоминание цвета, особенно в ситуациях, требовавших *называния* оттенков. Основным результатом, однако, была высокая степень сходства как восприятия, так и узнавания цвета в различных

¹² Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley : University of California Press, 1969.

¹³ Heider, E. R. Focal color areas and the development of color names. Developmental Psychology. 1971. Vol. 4: 447—455. Heider, E.R. Universals in color naming and memory. Journal of Experimental Psychology. 1972. Vol. 93: 10—20. Heider, E. R., Olivier D. C. The structure of the color space in naming and memory for two languages. Cognitive Psychology. 1972. Vol. 3: 337—354.

¹⁴ Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: cognitive science and human experience. Massachusetts : MIT, 1991. P. 169.

языках. Таким образом, на материале цветовой лексики предсказания гипотезы Сэпира — Уорфа не подтверждаются. Скорее всего, язык лишь выявляет здесь специфику механизмов восприятия цвета и перцептивной памяти, изначально имеющих невербальный характер»¹⁵.

В-вторых, в 1983 г. Эккехарт Малотки опубликовал книгу «Время хопи»¹⁶, в которой опровергаются основные сведения о языке *хопи*, лежащие в основе рассуждений Уорфа. В частности, Уорф писал, что в *хопи* нет метафор и никак не выражается время, а Малотки показывает, что и то, и другое в *хопи* имеет место. И это тоже подрывает авторитет Уорфа как лингвиста и мыслителя.

В-третьих, Уорфа обвиняют в том, что он породил мифо множество эскимосских слов для обозначения снега, который не имеет никаких серьезных научных оснований. При этом обычно припоминают, что Уорф по базовому образованию был инженером-химиком, а не профессиональным лингвистом или антропологом, намекая на то, что не следовало ему заниматься не своим делом. Даже Джордж Лакофф, в целом относящийся к Уорфу с симпатией, пишет о студенческих вопросах по поводу 22 или даже большего количества слов, обозначающих снег в эскимосском языке, как о самой скучной вещи, заставляющей страдать всякого преподавателя языкознания¹⁷. В целом история напоминает то, что произошло с мифом о сексуальной толерантности на Самоа. В 1986 г. Лора Мартин опубликовала статью «Эскимосские слова, обозначающие снег: исследование происхождения и упадка одного из антропологических примеров», которую затем все начали пересказывать. Например, генеративист Марк Бейкер пишет так: техническое замечание Боаса было неточно воспроизведено лингвистом-любителем Уорфом, после чего подхвачено популярной литературой¹⁸. А вот изложение Пинкера:

«Антрополог Лора Мартин документально зафиксировала, что эта легенда родилась в городском кабинете, становясь все более впечатляющей с каждым пересказом. В 1911 г. Боас как-то случайно обмолвился, что эскимосы имеют четыре не связанных между собой корня слов для обозначения снега. Уорф приукрасил этот рассказ, упомянув уже цифру семь и намекнув, что можно насчитать и больше. <...> Лингвист Джеффри Паллам <...> рассуждает о том, почему эту байку без малейших сомнений подхватили: “Приписанная эскимосам языковая экстравагантность очень удачно совпала с многими другими аспектами их полисинтетической извращенности: потирание носами при встрече; предоставление жен в пользование гостям; употребление в пищу сырого тюленьего жира; оставление стариков на съедение белым медведям”. Такова ирония судьбы. Лингвистическая относительность родилась в научной школе Боаса как часть кампании, демонстрирующей,

¹⁵ Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М. : Смысл : Издательский центр «Академия», 2006. С. 190.

¹⁶ Malotki E. Hopi time. Berlin : Mouton Publishers Year, 1983.

¹⁷ Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago : The University of Chicago Press, 1987. P. 308.

¹⁸ Бейкер М. Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания : пер с англ. М. : ЛКИ, 2006. С. 119.

что бесписьменные культуры имеют такое же сложное и глубокое строение, как и культуры народов Европы. Но вымыслы, якобы расширяющие пределы мышления, притягательны тем, что на другие культуры можно посмотреть свысока и трактовать их психологию как малопонятную и экзотическую по сравнению с нашей собственной»¹⁹.

Таким образом, гипотеза Сэпира-Уорфа и релятивизм в целом рассматривались многими учеными конца XX века как что-то неприличное. На фоне успехов генеративной грамматики и модулярной психолингвистики, с одной стороны, и социобиологии и этологии человека, с другой, релятивизм стал непопитуэрен. В 1987 г. Лакофф с иронией писал, что наиболее «ответственные» ученые отвернулись от релятивизма, стали идентифицировать его с расплывчатостью мышления, недостатком точности и аморальностью. «Во многих кругах даже запах релятивизма неприятен»²⁰. Однако в последнее время ситуация изменилась. Во-первых, новейшие варианты генеративизма не столь категоричны относительно врожденности языка. Хомский и его последователи готовы сегодня признать, что лексикон развивается под влиянием культуры и во многом определяет конечные грамматические формы высказываний, в то время как врожденными являются лишь самые базовые алгоритмы синтаксиса, такие как объединение и перемещение. Во-вторых, генеративизм уже не настолько популярен, как раньше, и на передний план выходят альтернативные теории, например, функционализм. В-третьих, наряду с модулярной теорией все более успешно развивается коннекционизм, подразумевающий параллельную обработку информации различными отделами головного мозга и взаимное влияние протекающих в них процессов. В-четвертых, все более популярной становится идея биологической и социально-культурной ко-эволюции. Если Эдвард Уилсон²¹ и другие социобиологи²² считают, что культурная эволюция, в конечном счете, «находится на поводке» у генов, то такие авторы, как Роберт Бойд и Питер Ричерсон²³, Дэниэл Деннетт²⁴, Аарон Линч²⁵, Сьюзан Блэкмор²⁶, Гарри Рансиман²⁷ и некоторые другие, обосновывают различные точки зрения, согласно которым культурные, социальные, технические идеи и формы могут эволюционировать, независимо и вопреки генетической эволюции, и даже в какой-то момент формировать ее направление.

Сегодня принято различать сильную и слабую версии гипотезы язы-

¹⁹ Пинкер С. Язык как инстинкт : пер. с англ. / общ. ред. В. Д. Мазо. — М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 53—54.

²⁰ Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago : The University of Chicago Press, 1987. P. 304.

²¹ Wilson E. O. On human nature. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1978. Wilson E. O. Consilience: The unity of knowledge. N.Y. : Vintage Books, 1998.

²² Alcock J. The Triumph of Sociobiology/ N.Y. : Oxford University Press, 2001.

²³ Boyd R., Richerson P. Culture and the evolutionary process. Chicago : Chicago University Press, 1985. Richerson P., Boyd R. Not by Genes Alone. How Culture Transformed Human Evolution. Chicago : Chicago University Press, 2005.

ковой относительности. Суть *сильной версии* — в том, что язык полностью определяет особенности мышления. Вероятность того, что дело обстоит именно так, чрезвычайно мала. Существуют научные факты, подтверждающие относительную независимость языка и мышления. Например, бывают афазии, т. е. нарушения речи, не ведущие к нарушению мышления, и, наоборот, случаи успешного развития речи на фоне выраженного отставания интеллектуального развития²⁸. Но *слабая версия* гипотезы языковой относительности, допускающая локальные взаимодействия языка и мышления, *находит все больше подтверждений*. О некоторых из них пишет в своей книге Величковский: в одном из исследований испытуемые, одинаково хорошо владеющие *китайским и английским* языками, давали разные личностные характеристики другим людям в зависимости от того, каким языком при этом пользовались; в другом исследовании *англичане и алжирцы*, чей язык имеет форму, близкую к «ing»-овой форме английского языка, иначе пересказывали содержание мультфильма, чем *немцы*, в языке которых такой формы нет; индейцы *юкатек* при описании предметов в большей степени ориентируются на их материал и в меньшей степени на их форму, чем носители европейских языков; кроме того, язык может влиять на выбор системы пространственных координат, в которых воспринимается, запоминается и описывается та или иная ситуация²⁹. О влиянии языка на пространственное восприятие и мышление я более подробно напишу в следующем разделе. А пока приведу еще ряд сведений о других эффектах Уорфа. Гарри К. Триандис ссылается на исследование Гуиоры «Психологические аспекты билингвизма (Guiora A. Z., 1985): гендерная идентичность формируется быстрее у детей, в языке которых четко выражены параметры половой принадлежности, в отличие от тех, в языке которых нет грамматической категории рода. Гарри К. Триандис пишет также, что в Уганде «язык требует обращать внимание на то, что произошло в течение суток до начала беседы»³⁰. Аналогичный факт приводит Стивен Левинсон: в языке *йели дние* (Папуа, Новая Гвинея) нужно быть точным в том, произошло ли событие «сегодня, вчера или позавчера, и вы должны отслеживать и хранить в памяти последовательность событий по дням для того, чтобы использовать грамматическую систему времен правильно»³¹. Общеизвестным является факт, что *японский* язык требует знать относительное положение собеседников в социальной иерархии. Именно поэтому,

²⁴ Dennett D. C. Darwin's dangerous idea. Evolution and the meanings of life. L. : Penguin Books Ltd, 1995.

²⁵ Lynch A. Thought contagion. How belief spreads through society. N.Y. : Basic Books: 1996.

²⁶ Blackmore S. The meme machine. Oxford: Oxford University Press, 1999.

²⁷ Runciman W. G. The Theory of Cultural and Social Selection. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.

²⁸ Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания : в 2 т. Т. 2. М. : Смысл : Издательский центр «Академия», 2006. С. 188.

²⁹ Там же. С. 190—193.

³⁰ Триандис Г. К. Культура и социальное поведение. М. : Форум, 2007. С. 159.

пишет Триандис, японские бизнесмены обмениваются визитками еще до начала разговора. Левинсон пишет, что аналогичное требование выдвигает и *яванский* язык. Он же, ссылаясь на работу Дж. Люси (*Lucy J. Grammatical categories and cognition: A case study of the linguistic relativity hypothesis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992), отмечает, что носители языков, в которых нет категории числа (например, *юкатек*), менее точны при запоминании числовых характеристик вещей.

Вопреки процитированному выше выводу Величковского, очень многие авторы считают, что доказать наличие эффектов Уорфа в восприятии цвета удалось Полу Кею и Уиллету Кемптону. В своем эксперименте они сравнивали восприятие разницы в оттенках зеленого и синего цвета носителями *английского* языка и юто-ацтекского языка *таракхумара*, в котором нет отдельных слов для зеленого и синего. На первом этапе участникам эксперимента предъявляли по три карточки (color chips) различных сине-зеленых оттенков (наиболее зеленая слева, наиболее синяя справа) с просьбой определить, к какой из крайних карточек ближе всего по цвету приближается средняя. При этом подтвердилась гипотеза, что англоговорящие испытуемые будут систематически разделять смешанные цвета на зеленый или синий, пользуясь подсказкой языка, в то время как носители *таракхумара* этого делать не будут. На втором этапе эксперимента те же карточки предъявляли носителям *английского* языка таким образом, что они могли видеть одновременно только по две из них, для этого использовалось передвижное окошечко. Предварительно испытуемые соглашались с экспериментатором, что левая и средняя карточки в совокупности имеют зеленый оттенок, а средняя и правая — синий. В этих условиях язык не мог подсказать решение, и смещение в восприятии различия в цветовых оттенках исчезало. Таким образом, эксперимент Кея и Кемптона показал, что язык может влиять на восприятие цветовых различий, а не только использоваться для суждений о цвете, уже воспринятом независимо от языка³².

Пространственная семантика в языке и мышлении

Мы постоянно используем чертежи, карты, схемы, жесты для того, чтобы лучше понять самим или передать другим какие-либо мысли или запомнить информацию. Мы можем это делать явным или неявным образом. Материалом для создания подсобных пространственных схем могут выступать любые элементы окружающего нас пространства. Мы это знаем из собственного опыта и из художественных произведений (вспомним Чапаева, использующего карточку как подручный материал в одноименном фильме).

Существуют и формальные подтверждения подобных фактов. Например, проводили экспериментальное сравнение того, как работают бармен-

³¹ *Levinson S. C.* Space in language and cognition. Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 302.

³² *Kay P., Kempton W.* What Is the Sapir-Whorf Hypothesis? // *American Anthropologist*. 1984. Vol. 86: 65-79. URL: <http://www.icsi.berkeley.edu/~kay/Kay&Kempton.1984.pdf> (дата обращения: 12.12.2011).

новичок и опытный бармен, которым требуется в сложной обстановке шумного бара запомнить и выполнить множество заказов. Оказалось, что бармены-эксперты во время заказов расставляют в определенной последовательности стаканы различной формы, что помогает им легче выполнять свою работу³³. В другом эксперименте было продемонстрировано, что сугубо вербальные задачи могут сопровождаться внутренними пространственными представлениями: после просмотра картинок на экране и их последующего обсуждения, когда дисплей был уже выключен, были зафиксированы неосознаваемые движения глаз, соответствующие бывшему расположению на экране тех людей и предметов, о которых шла речь³⁴. Как пишут авторы сборника, из которого взяты эти примеры, *язык пространственный, а не специальный* (language is spatial, not special). Эта игра слов связана с опровержением некогда распространенной модулярной гипотезы о том, что язык — это специфическая и не зависящая от других аспектов мышления и восприятия способность человека. Выясняется, что язык нельзя отделить от пространственного мышления, и это не просто точка зрения здравого смысла, но экспериментальный факт.

Другой аспект той же проблемы — зависимость языковых категорий и их значений, а также концептуальных моделей от телесного опыта человека. Как мне кажется, когнитивная лингвистика в лице Марка Джонсона и Джорджа Лакоффа в целом продемонстрировала, что такая зависимость существует, несмотря на то, что отдельные аспекты их гипотез следует проверять и уточнять³⁵. Можно указать и на экспериментальные факты, подтверждающие их идеи. Например, при выполнении задач, связанных с одновременным пониманием предложения и выполнением моторного действия, выполнение действия замедляется, если значение предложения связано с противоположным действием³⁶.

Еще один аспект пространственной семантики связан с тем, что в различных языках и культурах пространственные и телесные метафоры могут быть разными. Приведу простейший пример. В европейских языках пространственные понятия *правый* и *левый* несут дополнительную нагрузку *правильного* и *неправильного*, *легитимного* и *девиантного*, *истинного* и *ложного*. Но в китайском языке это не так: иероглифы *ути* (*правый*) состоит из ключей *рука* и *рот*, а иероглиф *зио* (*левый*) — из ключей *рука* и *работа* (*плотницкий угольник*). То есть внутренняя форма пространственного по-

³³ *Clark A.* Minds in Space // *The Spacial Foundations of Language and Cognition* / Ed. by K. S. Mix, L. B. Smith, M. Gasser. N.Y.: Oxford University Press, 2010. P. 9.

³⁴ *Spivey M. J., Richardson D. C., Zednik C. A.* Language Is Spatial, Not Special: On the Demise of the Symbolic Approximation Hypothesis // *The Spacial Foundations of Language and Cognition* / Ed. by K. S. Mix, L. B. Smith, M. Gasser. N.Y. : Oxford University Press, 2010. P. 25—26.

³⁵ *Lakoff G.* Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago : The University of Chicago Press, 1987. P. 271—278, 283.

³⁶ *Glenberg A., Kaschak M.* Language is Grounded in Action // *Functional Features in Language and Space: Insights from Perception, Categorization, and Development* / Ed. by L. Carlson, E. van der Zee. N.Y. : Oxford University Press, 2005. P. 21—24.

нятия *правый* связана с представлением о руке, которой едят, а понятия *левый* — с подсобным инструментом, используемым в работе. Понятие *правильного* в китайском языке тоже связано с пространственной метафорой, но совсем другой: иероглиф *zhi* (*правильный, точный*) состоит из ключей *нога (остановка)* и *черта (линия)*, то есть изображает того, кто знает меру, остановился у черты. При этом иероглиф *um* (*справедливость*) изображает *копье*, а в древности также включал ключи *баран* и *рука*, что в одном из учебников истолковывается так: даже человек с копьем склоняется перед справедливостью, как баран перед своим хозяином. Если в этом и есть пространственная семантика, то иная, чем в европейских языках, где *справедливость* и *правда* связаны с представлением о *правой стороне*.

Возникает вопрос: только ли пространственный опыт, воображение и мышление влияют на язык или существует и обратное воздействие языка на пространственное мышление? Обнаруживаются ли эффекты Уорфа в этой области? Этот вопрос интересен еще и потому, что сам Уорф существованию таких непосредственных эффектов сомневался:

«...Возможно, понимание пространства дается в основном в той же форме через опыт, не зависящий от языка. Эксперименты, проведенные структурной психологической школой (Gestaltpsychologie) над зрительными восприятиями, как будто уже установили это, но **понятие пространства** несколько варьируется в языке, ибо как категория мышления, оно очень тесно связано с параллельным использованием других категорий мышления, таких, например, как “время” и “материя”, которые обусловлены лингвистически»³⁷.

Тем более впечатляет, что подобные эффекты *были обнаружены* Стивенсом Левинсоном и его коллегами: выясняется и подтверждается экспериментально, что лексика и грамматика языка могут влиять на то как люди думают о пространственных отношениях и направлениях, на то как люди их запоминают, как они ориентируются в пространстве, в том числе и при выполнении невербальных задач³⁸.

Согласно Левинсону, язык пространства можно условно разделить на три части: 1) выражающий *движение* какого-либо тела или предмета в пространстве, 2) выражающий *топологические* формы, отношения между частями одного тела или предмета (или соприкасающимися телами и предметами), 3) выражающий пространственные *отношения* между разделенными телами или предметами и вытекающие из этих отношений *направления*.

³⁷ Whorf B. L. The relation of habitual thought and behavior to language // Whorf B.L. Language, thought and reality. N.Y. : The M.I.T. Press, 1956. P. 158—159 (русский перевод: Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. I : пер. с англ. / общ. ред. В. А. Звегинцева и Н. С. Чомданова. М. : Прогресс, 1999. С. 90.)

³⁸ Levinson S. C. Space in language and cognition. Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. Levinson S. C., Wilkins D. P. Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

Из этих трех аспектов языка пространства наиболее значимым с точки зрения обнаруженных эффектов Уорфа оказывается третий, связанный с концептуализацией в языке взаимных пространственных расположений предметов или тел. В связи с тем, что объем статьи ограничен, далее я буду писать только об этом аспекте.

Для выражения отношений между телами в пространстве и направлений движения от одного тела к другому, из одной области пространства в другую в каждом естественном языке существуют средства, называемые пространственными *фреймами референции* (*frames of reference*) или, в одном из вариантов русского перевода, *системами отсчета*³⁹. Например, сцену на рис. 1 можно описать разными способами: «Мяч находится справа от наблюдателя», «Мяч лежит позади машины», «Мяч находится ниже машины по склону». Это описания, сделанные в разных системах отсчета, ориентированных относительно на-

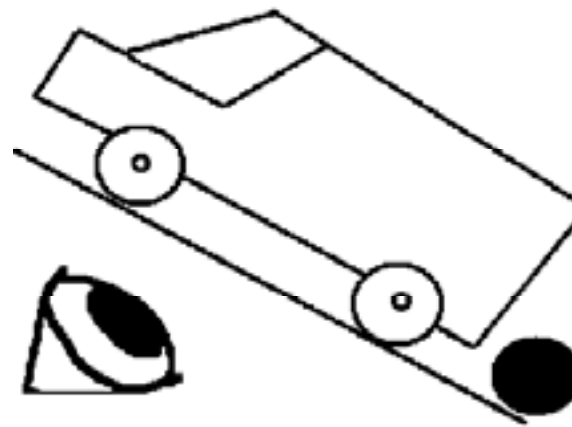

Рис. 1. Сцена, допускающая описание в различных системах

рированных относительно наблюдателя, машины, склона. В основе каждой системы отсчета лежит та или иная система угловых координат. Русский язык допускает и другие варианты описания подобных ситуаций. Но как выясняется, языки не одинаковы с точки зрения того, какие системы отсчета в них возможны и какие из них доминируют. Соответственно, может отличаться и понимание пространственных ситуаций носителями разных языков.

Авторы, работающие в рамках различных традиций и научных дисциплин, употребляют разные терминологические обозначения и классификации существующих пространственных систем отсчета. Противопоставляют относительную и абсолютную, эгоцентрическую и аллоцентрическую, дейктическую и объектную, центрированную на зрителе и центрированную на объекте и различные другие пространственные системы отсчета. Джекендофф, например, пишет о четырех объектных системах отсчета (геометрическая,

³⁹ Фрейм — это, буквально, рамка. Этот термин появляется в связи с осмыслением в англоязычной литературе идей немецкой гештальтпсихологии и всего того, что связано с иллюзиями при визуальном восприятии. В некоторых словарях *frames of reference* переводят на русский как *систему координат*. По существу такой перевод верен, но его нельзя употреблять, поскольку термины *frames of reference* и *coordinate system* постоянно встречаются рядом в одних и тех же текстах как разные термины.

связанная с движением, связанная с канонической ориентацией, связанная с каноническим использованием) и четырех ориентированных на окружение (environmental) системах отсчета (гравитационная, географическая, контекстуальная, связанная с наблюдателем)⁴⁰.

Левинсон и его коллеги сводят это многообразие к трем основным типам — относительным, абсолютным и объектным пространственным системам отсчета, используя эту типологию для сравнительного анализа языков и культур.

Относительные системы отсчета предполагают описание пространственных расположений относительно того, кто говорит. Европейцам такая система ориентации в пространстве кажется естественной, но выясняется, что она не универсальна. Предмет может находиться впереди, позади, справа или слева от говорящего. Этим расположениям соответствуют направления движения: вперед, назад, направо, налево. Такую систему координат и соответствующую систему отсчета можно назвать первичной. Вторичная система образуется путем *вращения, зеркального отображения* или *трансляции (переноса)* первичной системы относительно некоторого объекта. Например, когда европеец говорит, что мяч лежит *перед деревом*, он имеет в виду, что мяч лежит *между ним и деревом*, то есть передняя сторона дерева зеркально отражает переднюю сторону говорящего. При этом правая и левая стороны сохраняются: справа от дерева — это в той же стороне, что и справа от говорящего. Это *относительная отображающая* система отсчета. В некоторых языках (например, в *тамилском*) в аналогичной ситуации говорится, что мяч справа от дерева, но слева от говорящего. То есть вторичная система образуется путем вращения первичной системы на 180 градусов. Такую систему можно назвать *относительной поворотной*. Возможен еще один вариант (например, в *хауса*), когда мяч, лежащий между говорящим и деревом, будет описан как находящийся *позади дерева*, а правые и левые стороны относительно дерева будут те же, что и относительно говорящего. Здесь первичная система координат перемещается (транслируется) от говорящего к некоторому объекту (в данном примере вперед к дереву), становясь центром вторичной системы. Такая система отсчета называется *относительной транслирующей*.

В основе *абсолютных* систем отсчета лежат системы координат, связанные к сторонам света или к общему для носителей данного языка ландшафту. Примерами служат ориентация относительно *севера, юга, запада и востока* (мяч лежит к югу от дерева) или ориентация *вверх-вниз* относительно моря в прибрежных городах и относительно гор в горной местности (мяч укатился вверх по улице), ориентация относительно центра и побережья на островах, ориентация *в город — из города* в пригородах и

⁴⁰ Jackendoff R. the architecture of the linguistic-spatial interface // Language and space / Ed. by P. Bloom, M. A. Peterson, L. Nadel, M. F. Garrett. — Cambridge, Massachusetts: The M.I.T. Press, 1996. P. 15—17.

в сельской местности. Выясняется, что существуют языки, в которых нет абсолютных систем отсчета (например, *мопан*), и языки, в которых эти системы доминируют настолько, что их носители рутинно запоминают всю пространственную информацию и постоянно мыслят в терминах абсолютных систем, даже когда находятся за пределами своей территории в незнакомых местах с совершенно иным ландшафтом (например, *гугу имитир* или *цельталь*). Универсальными абсолютными координатами, по Левинсону, является только ориентация *вверх-вниз*, связанная с земным тяготением.

*Объектные (intrinsic)*⁴¹ системы отсчета связаны с координатами, встроенными в некоторый объект, становящийся центром пространственной ориентации, или с его направлением движения. Если говорят, что мяч лежит перед автомобилем, имеется в виду, что у автомобиля есть передняя и задняя стороны. Если говорят, что мяч лежит перед домом, имеется в виду та сторона дома, где парадный вход. Если мяч перед стулом — то с той стороны, где на стул садятся, если сверху стула — то на его сиденье. В европейских языках доминируют объектные системы, связанные с представлением о верхней и нижней, передней и задней, левой и правой сторонах объекта. Далек не во всех языках распространены такие объектные системы отсчета. Например, в *цельталь* привязка может осуществляться к холму, напоминающему живое существо, и тогда у него будут не правая-левая, передняя-задняя стороны, но голова, лицо, живот, спина, попа⁴² и т. п.

В книге «Грамматики пространства» приводятся данные по сравнительному исследованию 12 языков: австралийских языков *арренте* (Arernte), *джаминьонг* (Jaminjung), *уаррва* (Warrwa), новогвинейских языков *йели дние* (Yeli Dnye) и *киливила* (Kilivila), майянских языков *цельталь* (Tzeltal) и *юкатек* (Yukatek Maya), карибского языка *тирийо* (Tiriy'o), языка *ив* (Ewe) жителей Ганы, *тамилского, японского и голландского* языков⁴³. В этих языках доминирующие пространственные системы отсчета представлены следующим образом: в японском и голландском — относительная и объектная; в уаррва, арренте, джаминьонг, йели дние, цельталь — абсолютная и объектная, в остальных языках — все три системы отсчета⁴⁴. Кроме того, в книге «Пространство в языке и познании» Левинсон пишет, что в майянском языке *мопан* (Moran) доминирует только объектная, а в австралийском языке *гугу йимитирр* (Guugu Yimithirr) — только абсолютная системы отсчета. В итоге он формулирует следующую закономер-

⁴¹ Слово *intrinsic* буквально значит *внутренний, внутренне присущий*, в данном случае *внутренне присущий некоторому объекту*.

⁴² Вот слово, неприличное в научной литературе, но необходимое. Потому что, если сказать *зад* или *задняя часть тела*, это и будет использование доминирующего в европейских сторонах типа объектной системы.

⁴³ Levinson S. C., Wilkins D. P. Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 7.

⁴⁴ Там же. P. 542.

ность: объектная и абсолютная системы отсчета могут существовать сами по себе, относительная система отсчета требует наличия объектной⁴⁵.

Самое удивительное из эмпирических наблюдений Левинсона заключается в том, что существуют культуры, в которых присущие языку абсолютные системы отсчета вынуждают людей постоянно ориентироваться в пространстве на основе этих систем, отслеживать и запоминать расположения предметов и их перемещения, использовать абсолютные координаты для выводов о взаимном расположении предметов и т. п. Как показал Левинсон, это происходит тогда, когда в языке нет альтернативных и реально используемых систем отсчета. Например, в языках *целталь* и *гуугу йимитирр*, с носителями которых Левинсон провел наиболее детальные исследования. В ряде экспериментов было продемонстрировано, что носители этих языков рутинно используют абсолютную систему координат (похожую на европейскую ориентацию по частям света) даже тогда, когда выполняют невербальные задачи, например, расстановку в определенной последовательности фигурок животных. Носители этих языков могут очень точно указать направление на любой объект при длительных переходах; определяют абсолютные направления между мелкими предметами внутри незнакомых помещений; рассказывая истории, жестами указывают точные направления движений участвовавших в истории тел, и т.п. Рассказ о позапрошлогодневной рыбалке может выглядеть так: лодка качнулась в западную сторону, и в это время с севера подплыла акула, лодка перевернулась, и я поплыл на восток... При этом жесты будут в точности повторять направления, в которых происходили все эти движения, независимо от того, как и где расположен в данный момент рассказчик.

На основе своих наблюдений и экспериментов Левинсон делает вывод, что популярные в конце XX века гипотезы врожденности синтаксических форм и основной семантики языка, в том числе и языка пространства, нельзя поддержать. Очевидно, что существуют некоторые врожденные структуры и предрасположенности, но они взаимодействуют со структурами среды, т.е. языком и культурой. Нельзя утверждать, что существует некий единый и универсальный одноуровневый «язык мысли». Скорее, существуют несколько «языков» невербального восприятия и мышления. Кроме того, Левинсон предполагает, что должны существовать два уровня семантики: глубокий уровень семантических примитивов, из композиции которых образуются более сложные концепты на втором уровне. Именно на этом втором уровне мы привычно оперируем словами, и именно он зависит от специфики конкретного языка и культуры.

⁴⁵ *Levinson S. C. Space in language and cognition. Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 93.*

Заключение

Итак, абсолютный культурный релятивизм в духе Боаса и сильная версия гипотезы Сэпира-Уорфа не принимаются большинством современных ученых, так как противоречат ряду эмпирических фактов. С другой стороны, гипотезу о том, что существуют врожденные алгоритмы мышления, никак не зависящие от языка и культуры, тоже нельзя считать оправдавшей себя. Скорее всего, истина лежит посередине. В частности, можно считать доказанной слабую версию гипотезы языковой относительности. И одними из самых интересных подтверждений этой гипотезы стали недавние исследования Стивена Левинсона и его коллег в области пространственной семантики. Относительная независимость языка пространства от врожденных способностей к пространственному восприятию дополнительно подтверждает реальность социокультурной и биологической коэволюции, в рамках которой языковые формы могут развиваться как независимые от генов репликаны.

С одной стороны, повседневный опыт и эксперименты подсказывают, что пространственное мышление и воображение влияют на мышление в целом и вербальное поведение. С другой стороны, обнаруженные Левинсоном эффекты доказывают, что язык влияет на пространственное восприятие и мышление. Поэтому ни одна из крайних точек зрения — утверждение, что пространственное восприятие полностью определяет пространственный язык или что, наоборот, пространственный язык лежит в основе пространственного восприятия и мышления, — не может быть истинной. Дело обстоит таким образом, что язык и культура влияют на формирование восприятия, внутренних представлений, мышления. Но когда сформировавшийся человек говорит или слушает, он понимает высказывания в том числе и на основе внутренних пространственных представлений и визуализаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бейкер, М.* Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания : пер. с англ. — М. : ЛКИ, 2006. — С. 119.
2. *Боас, Ф.* Границы сравнительного метода в антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. — СПб. : Университетская книга, 1997.
3. *Величковский, Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания : в 2 т. — Т. 2. — М. : Смысл : Издательский центр «Академия», 2006.
4. *Мид, М.* Взросление на Самоа // Мид М. Культура и мир детства. Избр. произведения. — М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
5. *Пинкер, С.* Язык как инстинкт : пер. с англ. / общ. ред. В. Д. Мазо. — М. : Едиториал УРСС, 2004.
6. *Триандис, Г. К.* Культура и социальное поведение. — М. : Форум, 2007. — С. 159.
7. *Уорф, Б. Л.* Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. I : пер. с англ. / общ. ред. В. А. Звегинцева и Н. С. Чемоданова. — М. : Прогресс, 1999.
8. *Alcock J.* The Triumph of Sociobiology. — N.Y. : Oxford University Press, 2001.

9. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. — Berkeley: University of California Press, 1969.
10. Blackmore, S. The meme machine. — Oxford: Oxford University Press, 1999.
11. Boyd R., Richerson P. Culture and the evolutionary process. — Chicago: Chicago University Press, 1985.
12. Chomsky, N. New Horizons in the Study of Language and Mind. — Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
13. Chomsky, N. The minimalist Programm. — Cambridge, Massachusetts: The M.I.T. Press, 1995.
14. Dennett, D. C. Darwin's dangerous idea. Evolution and the meanings of life. — L.: Penguin Books Ltd, 1995.
15. Fodor, J. A. LOT 2 The Language of Thought Revisited. — Oxford: Oxford University Press, 2008.
16. Fodor, J. A. Psychosemantics. The problem of meaning in the philosophy of mind. — Bradford Books, 1987.
17. Fodor, J. A. The language of thought. N.Y.: Thomas Y. Crowell Company, Inc., 1975.
18. Fodor, J. A. The modularity of mind. — Bradford Books, 1983.
19. Freeman, D. Margaret Meads *Coming of Age in Samoa* and Boasian Culturism // Freeman D. Dilthey's Dream. Essays on Human Nature and Culture. — Canberra: Pandanus Books, Research School of Pacific and Asian Studies, The Australian National University, 2001.
20. Functional Features in Language and Space: Insights from Perception, Categorization, and Development / Ed. by L. Carlson, E. van der Zee. — N.Y.: Oxford University Press, 2005.
21. Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W. T. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // Science. Vol. 298. November 22, 2002.
22. Heider, E. R. Focal color areas and the development of color names. *Developmental Psychology*. 1971. Vol. 4:447-455.
23. Heider, E. R. Universals in color naming and memory. *Journal of Experimental Psychology*. 1972. Vol. 93:10-20.
24. Heider E. R., Olivier D. C. The structure of the color space in naming and memory for two languages. *Cognitive Psychology*. 1972. Vol. 3:337-354.
25. Jackendoff, R. the architecture of the linguistic-spatial interface // Language and space / Ed. by P. Bloom, M. A. Peterson, L. Nadel, M. F. Garrett. — Cambridge, Massachusetts: The M.I.T. Press, 1996. — P. 1-30.
26. Kay P., Kempton W. What Is the Sapir-Whorf Hypothesis? // *American Anthropologist*. 1984. Vol. 86: 65-79. URL: <http://www.icsi.berkeley.edu/~kay/Kay&Kempton.1984.pdf> (дата обращения: 12.12.2011).
27. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. — Chicago: The University of Chicago Press, 1987.
28. Levinson, S. C. Space in language and cognition. *Explorations in Cognitive Diversity*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
29. Levinson S. C., Wilkins D. P. Grammars of space. *Explorations in cognitive diversity*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
30. Lynch, A. Thought contagion. How belief spreads through society. — N.Y.: Basic Books: 1996.
31. Malotki, E. Hopi time. — Berlin: Mouton Publishers Year, 1983.
32. Pinker, S. The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. — N.Y.: Viking Adult, 2007.

33. Richerson P., Boyd R. Not by Genes Alone. How Culture Transformed Human Evolution. — Chicago : Chicago University Press, 2005.
34. Runciman W. G. The Theory of Cultural and Social Selection. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
35. The Spacial Foundations of Language and Cognition / Ed. by K. S. Mix, L. B. Smith, M. Gasser. — N.Y.: Oxford University Press, 2010.
36. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: cognitive science and human experience. — Massachusetts: MIT, 1991.
37. Whorf, B. L. Science and linguistics (1940) // Whorf B.L. Language, thought and reality. — N.Y.: The M.I.T. Press, 1956.
38. Wilson, E. O. Consilience: The unity of knowledge. — N.Y.: Vintage Books, 1998.
39. Wilson, E. O. On human nature. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1978.